

Философская мысль:
рецепция и интерпретация

**АВСТРИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ – ПОИСК
ИДЕНТИЧНОСТИ**

Часть I. К вопросу о национальной философской традиции*

Р.А. ГРОМОВ

Вопрос о национальных типах философствования не только чрезвычайно многогранный, но и рискованный, поскольку он ведет исследователя на зыбкую почву междисциплинарных масштабных проблем национального самосознания, культурной обусловленности и политической ангажированности философии. Осознавая риск со- скальзывания здесь в теоретическое резонерство, мы ограничимся не самой явной, но, тем не менее, принципиальной, по нашему мнению, стороной этого вопроса, а именно его историко-философской методологической составляющей. Речь пойдет о методах конструирования понятия национальной философии, его эвристическом потенциале и имманентных проблемах.

В разнообразных исследованиях национального характера философии можно выделить некоторые общие методологические черты¹. Мы будем исходить из того, что разработки по этой тематике можно выделить в особый жанр историко-философских исследований, если понятие национальной философии не исчерпывается географическими или лингвистическими характеристиками, а фокусируется на содержательных или стилистических особенностях философского исследования. С функциональной точки зрения этот жанр близок тому, что Ричард Рорти отнес к разряду *Geistesgeschichte* (истории духа)². В статье «Историография философии: четыре жанра» он, помимо жанров «рациональной» и «исторической» реконструкции (первый – широко представленная в аналитической философии актуализирующая критика отдельных решений, второй – контекстная реконструкция позиции автора и ее имманентная критика), выделяет особый жанр «истории духа». Последний представляет собой один из способов легитимации философии. В этом жанре утверждается значимость определенного круга философских вопросов и тем самым формируется позитивный имидж философии. Исследования движутся здесь не на уровне отдельных решений или авторских позиций, а на уровне

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Философия как наука в постгегелевской немецкой философии. Реализация проектов научной философии в брентановской школе и ранней феноменологии», грант № 12-03-00240.

универсальных проблем, демонстрирующих важность философского вопрошания как такового. История философии рассматривается на значительных отрезках времени и интегрируется с историей государства, религии, культуры. Именно благодаря этому жанру, по мнению Рорти, формируются историко-философские каноны, т.е. общая разметка исторического материала, согласно которой определяется список значимых проблем и авторов, достойных внимания современных историков.

В нашем контексте интерес представляет не столько сама типология жанров, предложенная Рорти, сколько намеченная им модель их взаимодействия. Рорти полагает, что канонизация, т.е. размежевание между «значительным» и «неважным» в истории философии, не достигается лишь средствами рациональной или исторической реконструкции. Формирование канона неразрывно связано с утверждением актуальных философских идеалов и осуществляется посредством особых исследовательских практик (в рамках особого жанра). При этом рациональная и историческая реконструкции теоретически не зависят от *Geistesgeschichte* и навязываемого ею канона, но на деле, как правило, при выборе тем исследования исследователи направляются им и используют его в качестве ориентира.

В этом свете можно попытаться оценить оригинальный характер исследований, обосновывающих то или иное понятие национальной философии. Их назначение видится не только в функции идеологического присвоения мыслителей, добавляемых в символическую копилку национального наследия, и не только в выгодах от систематизации исторического материала. С функциональной точки зрения такого рода разработки (в их продуктивной фазе) можно отнести к разряду исследований, формирующих новые исторические каноны. При этом, как правило, мы имеем дело с разработкой идеальной философской типологии, представляющей в лице национальной философии универсальный тип философствования, который в более или менее полной форме воплощается в отдельных учениях, школах и движениях³. В дальнейшем мы попытаемся проанализировать потенциал такого «спекулятивного» подхода, способы его обоснования и верификации в современном историко-философском дискурсе.

Этот вопрос мы рассмотрим на примере понятия австрийской философии, которое представляется нам удачным для такого исследования по нескольким причинам. Во-первых, это свежий историко-философский концепт, дискуссия по которому развернулась в зарубежной литературе в 80 – 90-е гг. прошлого века. Она хорошо иллюстрирует современные способы обоснования и критики понятия национальной философии. Во-вторых, это понятие оказалось весьма продуктивным, поскольку оно заметно стимулировало исследования по истории австрийской философии, и в настоящий момент без учета

этой концепции трудно понять некоторые современные тенденции в развитии истории философии Центральной Европы.

В современный научный оборот понятие национальной философии ввел австрийский историк философии Рудольф Халлер⁴. При этом он отмечал, что постановка вопроса о национальной австрийской философии сталкивается не только с теоретическими трудностями, но также с серьезными политико-идеологическими предубеждениями: «Сегодня у нас имеются определенные опасения, — писал он в 1979 г., — [стоит ли] связывать слово „австрийское“, несущее на себе груз национального противоборства, с феноменами истории идей. Но это опасение не должно принимать параноидальные формы»⁵. Приведенное замечание высвечивает общий культурно-политический контекст, в котором формировалась его концепция. Как отмечает австрийский историк Фридрих Хеер, после Второй мировой войны вплоть до подписания Государственного договора от 15 мая 1955 г., т.е. до окончания оккупации и до восстановления суверенитета страны, тема национальной идентичности оставалась в Австрии табуированной. Общим было стремление не говорить о «внутренних проблемах» перед лицом оккупационных сил⁶. Начало широкому публичному обсуждению этой тематики было положено в декабре 1955 г. газетой *Forum — österreichische Monatsblätter für kulturelle Freiheit*, объявившей дискуссию на тему «Австрийское наследие и будущее Австрии». О тональности развернувшейся полемики можно судить по заявлению публициста Эрнста Хора, который в статье от 1956 г. писал: «Сегодня мы зашли уже так далеко, что признание в [принадлежности к] австрийской национальности считается видом ереси или сепаратизма, поскольку австрийские историки многих поколений видели свою задачу в том, чтобы оспаривать существование австрийской нации, даже австрийского народа. Последствия этой национальной индифферентности и, еще хуже, этих сознательных антинациональных тенденций австрийской исторической науки и исторического учения более не должны недооцениваться»⁷. В это же время историк Вильгельм Бёк отмечал, что австрийские политики избегают «признания в нашем существовании в качестве австрийской нации». По его мнению, «по сути предназначенные для обсуждения подобных вопросов политические партии предпочитают не касаться идеи австрийской национальности. Это понятно из тактических соображений, но является весьма недальновидным». Бёк выражал надежду, «что Австрия, которая с 1776 г. имеет национальный театр, с 1816 г. — национальный банк, с 1921 г. — парламент, вскоре также будет иметь нацию»⁸. В 60-е гг. прошлого века в Австрии выходит значительный массив исторических исследований, посвященных понятию австрийской нации⁹. Таким образом, постановка вопроса о национальной философии была подготовлена общекультурной и

политической дискуссией в Австрии 50 – 60-х гг. прошлого века. Работы самого Халлера пронизаны пафосом пробуждения исторической памяти в сфере философии и обретения национальной философии в качестве важной части австрийской культуры. Вместе с тем Халлер стремился показать политическую стерильность вводимого им концепта австрийской философии. В статье «Историография австрийской философии» он доказывает, что его концепция возникла не в результате сиюминутного политического заказа. С этой целью он исследует более ранние историко-философские опыты по выделению австрийской линии в философии. Такие попытки предпринимались, по его мнению, во время Первой республики Отто Нейратом и Карлом Зигелем, и еще ранее Робертом Циммерманом и Йозефом Крейбихом¹⁰. Итог своей работы Халлер определил следующим образом: «Я хотел... исследовать, каким образом и с какого времени вошел в употребление топоним истории австрийской философии. В качестве одного из результатов выяснилось, что предмет такой истории не просто порождение фантазии, продиктованной потребностью в идентичности нового государства, но что подобная история распознавалась уже в поздний расцвет габсбургской империи»¹¹.

Халлер не верит в существование неизменной сущности «национального» и скептически относится к поискам такого рода непреходящих сущностей в искусстве и науке. Четко определить такую сущность, по его словам, еще никому не удалось. Но вместе с тем, он не считает поиски сущностных характеристик, в частности, в сфере философии совершенно напрасными. Построения такого рода универсальных моделей могут быть продуктивными для объяснения практики институционализации идей, в том числе для объяснения, почему определенные философские проекты обретают или теряют влияние в том или ином регионе. Таким образом, он считает поиски сущностных (универсальных) характеристик национальной философии потенциально продуктивными, хотя вместе с тем признает здесь неизбежный недостаток точности, а также историческую отнесенность подобного рода характеристик, т.е. изменчивость самих национальных парадигм¹². Он также вводит в свое исследование существенное ограничение, а именно, фокусируется лишь на теоретических аспектах философии и отвлекается от анализа ее социальной, культурной и экономической обусловленности. Тем самым он отказывается от попыток объяснения национальной самобытности философии и ограничивается лишь построением ее общей морфологии.

Халлер полагает, что внутри немецкоязычной философии следует различать две самостоятельные линии развития: немецкую и австрийскую. Он выдвигает два тезиса: «...во-первых, что имело место своеобразное развитие австрийской философии в сравнении с осталь-

ным немецким пространством в течение сотни лет, во-вторых, что это развитие ведет к генетической модели объяснения, которая позволяет утверждать имманентную однородность австрийской философии вплоть до Венского кружка и его последователей»¹³. Постулируемая Халлером генетическая модель объяснения представляет историю философии как цепочку взаимовлияний и предполагает континуальный характер ее развития, наличие в ней прямой преемственности. Однако, как подчеркивает сам Халлер, речь в данном случае идет не о прямых заимствованиях идей, а скорее о преемственности в способах аргументации, в постановке проблем и в методах исследования¹⁴. Речь может идти о наличии особой парадигмы, понимаемой в смысле Т. Куна, которую можно было бы назвать «австрийской философской традицией». Эту традицию объединяют общие тематические и методические принципы исследования, разделявшиеся в австрийском академическом сообществе. Она берет свое начало в философии Бернарда Больцано, оформляется в полном виде у Франца Brentano, получает распространение в концепциях его учеников (раннего Гуссерля, Мейнонга, Марти, Твардовского, Штумпфа и др.). Продолжением этой линии была Львовско-Варшавская школа, основанная Твардовским, ее важнейшими звеньями стали концепции Маха, Больцмана, Штёра, Эренфельса, Хёфлера. Высшим же пиком ее развития явился логический эмпиризм Венского кружка.

Характерными чертами австрийской философии Халлер считает: (1) антикантианство, антиидеализм и антииррационализм; (2) стремление к построению научной философии и признание естественных наук в качестве образца научности; (3) эмпиризм как общую теоретико-познавательную и методологическую программу; (4) установку на аналитико-критическое исследование языка, использование логического анализа языка в качестве метода решения или устранения философских проблем¹⁵. Кратко рассмотрим обоснование этой концепции.

(1) Важнейшей отличительной чертой австрийской линии в немецкоязычной философии XIX в. является отсутствие в ней кантовского «коперниканского переворота», существенного влияния со стороны немецкого идеализма и устойчивой традиции кантианства. Наиболее влиятельные в Австрии философские направления шли по пути критики кантовского субъективизма и спекулятивного идеализма, они ориентировались на альтернативные им проекты Лейбница, Гербарта, Больцано, неосхоластики. Эта особенность философии в Австрии неоднократно отмечалась еще до Халлера. Так, Г. Шёффлер заявлял, что «все антикантианские и антиидеалистические попытки обновления ... в XIX в. исходили из католической почвы, из Австрии»¹⁶. В подобном же духе австрийскую философию оценивал К. Зигель: «... почти во всех ее направлениях проявляется стойкая симпатия к объективной

метафизике и, в особенности, к реализму, симпатизирующему в большей или меньшей степени так называемому здравому человеческому рассудку»¹⁷. Халлер указывает на существенное различие австрийского и немецкого философских ландшафтов в отмеченный период. В Австрии не получили распространения направления, оказывавшие определяющее влияние на немецкую академическую жизнь XIX в. (спекулятивный идеализм, неокантианство). Доминирующими оказались течения, которые либо не вызывали особого резонанса в Германии, либо быстро теряли здесь влияние (гербартианство), либо встречали устойчивое неприятие в немецкой академической среде (позитивизм или логический эмпиризм)¹⁸.

(2) и (3) К числу важнейших особенностей этой традиции Халлер относит сциентистскую ориентацию: стремление к построению научной философии в опоре на естественнонаучные образцы науки. Подлинным основателем австрийской философии он считает Франца Brentano. Именно начиная с него, эта тенденция становится отчетливой в Австрии¹⁹. Уже в начале своего творческого пути Brentano в габилитационных тезисах (1866) утверждает: «Истинный метод философии есть не что иное, как метод естественных наук»²⁰. Ближайший ученик Brentano Карл Штумпф, обращаясь к своему учителю, признает: «Этот тезис и то, что с ним связано, также было тем, что вызвало наш восторг и привлекло Марти и меня под Ваше знамя»²¹. В последовательном отстаивании Brentанистами методологического единства философии и естествознания Халлер видит прямую параллель с позитивистским движением за единство науки²². Важным аргументом в поддержку этого взгляда является также известное увлечение в Brentановской школе (в особенности Brentано и Мейнонга) английской философией и представленным в ней позитивизмом. Это дало основание Халлеру утверждать, что ориентирами для ведущих австрийских философов служили не Кант и Гегель, но скорее Юм и Дж.Ст. Милль²³.

Также объединяющим для представителей австрийской философии является, как полагает Халлер, критическое отношение к спекулятивному философствованию. В этом ключе он трактует первый габилитационный тезис Brentано «Философия должна протестовать против разделения наук на спекулятивные и точные, и правомерность этого протеста подразумевает право на существование самой философии»²⁴. Халлер усматривает в нем критику спекулятивной философии, сближая Brentановскую позицию с антиметафизической установкой Маха и логических позитивистов. Он утверждает, что: «Первым габилитационным тезисом философии было дано право, после фазы спекуляции и идеалистической метафизики, начаться заново и плодотворно, используя научные методы и исключив любые спекуляции»²⁵.

(4) Общая антиспекулятивная и сциентистская направленность в австрийской философии дополняется также характерной стратегией в работе с языком, которую Халлер называет «*sprachkritisch*» (языковой критикой). В австрийской философии придавалось особое значение исследованию языка для осмысления философских проблем, а также в деле философской критики. Эта тенденция намечается в брентановской школе, прослеживается у многих австрийских интеллектуалов, испытавших влияние Маха, и совершенно отчетливо оформляется в Венском кружке. Показательными примерами такой стратегии являются критика «языковых фикций» метафизики у позднего Brentano (после 1902 г.) и критика метафизики в логическом эмпиризме²⁶. Еще до Халлера эту черту австрийской философии отмечал У.М. Джонстон, указывая на общую стратегию критики метафизики посредством преодоления власти языка у Маутнера, Штёра, Вале, Крауса и Витгенштейна²⁷. Примечательно, что многие из названных авторов (Музиль, Маутнер, Штёр), испытали в свое время серьезное влияние со стороны Маха. Для многих из вышеназванных австрийских интеллектуалов была характерна сдержанная оценка экспрессивных возможностей языка, кроме того, они усматривали в языке важнейший источник метафизических построений (в том числе в брентановской школе, где отвергался тезис о параллелизме мышления и языка)²⁸. Этот тезис Халлера получил своеобразное развитие в статьях Кевина Маллигана, посвященных особой языковой стилистике австрийской философии²⁹. Маллиган отмечает, что в австрийской философии — уже начиная с Больцано, и в полной мере у Brentano, Маха и их последователей — центральной теоретической проблемой становится определение «точных» способов философского исследования в противоположность разного рода философской «болтовне». Стремление к «точности» вело к выработке особых стандартов исследовательской работы, которые позднее стали общим достоянием философов XX в., работавших в традициях научного философствования, причем в популярной на рубеже веков оппозиции точности и болтовни выразился особый, выработанный в Вене образ мысли, который не только был характерен для профессиональных философов, но также проявлялся в творчестве многих деятелей искусства. В философии он получил выражение в поиске идеального языка, который единообразно отражал бы отношения между феноменами; во введении понятий посредством примеров и дефиниций; в начале исследования со скрупулезного описания; в точной дедуктивной аргументации; в отказе от орнаментированной речи; в понимании философии как детального исследования узко ограниченных тем («философия малых шагов»); в широком использовании лингвистического и логического анализа в философской критике.

Оценивая концепцию Халлера, следует иметь в виду, что ее цель заключалась, прежде всего, в том, чтобы дать генетическое объяснение возникновению в Вене логического эмпиризма³⁰. Халлер возражает против того, чтобы рассматривать появление Венского кружка как результат чудесной констелляции событий или в виде изолированного и маргинального явления внутри университетской жизни, не связанного с научной традицией Австрии. Он утверждает, что логический эмпиризм в Вене возникает из иных источников, чем немецкая философия, он явился продолжением оригинальной австрийской философской традиции XIX в.³¹

В концепции Халлера мы имеем дело с идеальной философской типологией и телеологической исторической моделью, где более ранние философские концепции рассматриваются в свете более позднего явления в качестве его преддверия. Это накладывает на них характерный отпечаток – нетрудно заметить, что все четыре приведенных признака австрийской философии соответствуют программной доктрине Венского кружка. Именно логический эмпиризм выступает как полное и зрелое воплощение австрийского типа философствования, между тем как ранние философские проекты изображаются в качестве более или менее близкого приближения к нему. Вместе с тем, благодаря связи с позднейшим и общепризнанным явлением они сами обретают весомый исторический смысл. Философия в Австрии XIX в., взятая в качестве предыстории Венского кружка, трансформируется из периферийного, заднего плана событий в Берлине и Марбурге в существенную часть европейской философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как правило, такого рода исследования не обходятся без сравнительного анализа, их неотъемлемой частью является построение в разной форме идеальных типологий и др.

² См.: *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра // *Джохадзе И.Д.* Неопрагматизм Ричарда Рорти. – М.: УРСС, 2001.

³ Примерами такого рода исследований в отечественной философской традиции могут служить работы: *Лосев А.Ф.* Русская философия; Основные особенности русской философии // *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991; *Франк С.Л.* Сущность и ведущие мотивы русской философии // *Философские науки.* 1990. № 5; *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии // *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного Эроса. – М., 1994.

⁴ Тезис об особой австрийской линии в немецкоязычной философии появляется в его статьях с середины 60-х гг. прошлого века (см.: *Haller R.* Meinongs Gegenstandstheorie und Ontologie // *Journal of the History of Philosophy.* 1966. Vol. 4. P. 313 – 324; *Haller R.* Der «Wiener Kreis» und die analytische Philosophie // *Forschung und Fortschritt / F. Sauer (Hrsg.).* – Graz, 1966. S. 33 – 46), а в развернутой форме этот тезис был представлен в сборнике его статей «*Studien zur österreichischen Philosophie*» (Amsterdam: Rodopi, 1979).

⁵ *Haller R.* Gibt es eine österreichische Philosophie? // *Haller R.* Fragen zu Wittgenstein und Aufsätze zur österreichischen Philosophie. – Amsterdam: Rodopi, 1986. S. 43. Первоначально статья была опубликована в 1979 г. в *Wissenschaft und Weltbild* (1979. В. 31).

⁶ *Heer F.* Der Kampf um die österreichische Identität. – Wien; Köln; Graz: Hermann Böhlau Nachf., 1981. S. 9 – 10.

⁷ Цит. по: *Heer F.* Der Kampf um die österreichische Identität. S. 12.

⁸ *Ibid.* S. 10 – 11.

⁹ По проблеме австрийской идентичности в австрийской исторической науке см.: *Fellner F.* Geschichtsschreibung und nationale Identität: Probleme und Leistungen der österreichischen Geschichtswissenschaft. – Wien: Böhlau 2002; *Haider M.E.* Im Streit um die österreichische Nation: nationale Leitwörter in Österreich 1866 – 1938. – Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 1998; *Bruckmüller E.* Nation Österreich. – Wien: Böhlau, 1984.

¹⁰ См. манифест Венского кружка «Научное миропонимание – Венский кружок» // Журнал «Erkenntnis» (Познание). Избранное / пер. с нем. А.Л. Никифорова / под ред. О.А. Назаровой. – М.: Территория будущего; Идея-Пресс, 2006. С. 57 – 74; а также: *Heiprat O.* Пути научного миропонимания // Журнал «Erkenntnis»... С. 143 – 159; *Neurath O.* Die Entwicklung des Wiener Kreises und die Zukunft des Logischen Empirismus // *Neurath O.* Gesammelten Schriften. – Wien: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1981. Bd. 2. S. 676 – 693. Халлер ссылается также на издание: *Siegel C.* Unterrichtsform: Philosophie // *Deutsch-Österreichische Literaturgeschichte.* Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Dichtung in Österreich-Ungarn / E. Castle (Hrsg.). Bd. 3. Von 1848 – 1890. – Wien, 1937; *Kreibich J.K.* Bernard Bolzano. Eine Skizze aus der Geschichte der Philosophie in Österreich // *Archiv für Geschichte der Philosophie.* 1914. Bd. 27; *Zimmermann R.* Philosophie und Philosophen in Österreich // *Österreichisch-ungarische Revue.* Bd. 6. – Wien, 1889.

¹¹ *Haller R.* Zur Historiographie der österreichischen Philosophie // *Von Bolzano zu Wittgenstein.* Zur Tradition der österreichischen Philosophie / J.C. Nyiri (Hrsg.). – Wien: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1986. S. 47.

¹² *Haller R.* Österreichische Philosophie // *Haller R.* Studien zur österreichischen Philosophie. S. 7 – 8.

¹³ *Haller R.* Wittgenstein und die «Wiener Schule» // *Haller R.* Studien zur österreichischen Philosophie. S. 164.

¹⁴ *Ibid.* S. 163.

¹⁵ *Haller R.* Gibt es eine österreichische Philosophie? S. 38; см. также: *Haller R.* Studien zur österreichischen Philosophie. S. 1, 22, 79, 109, 125, 166 – 167.

¹⁶ *Schöffler H.* Deutscher Osten im deutschen Geist, von Martin Opitz zu Christian Wolff. – Frankfurt am Main, 1940. S. 221 – 222 (Цит. по: *Bauer R.* Der Idealismus und seine Gegner in Österreich. – Heidelberg, 1966. S. 105).

¹⁷ Цит. по: *Haller R.* Zur Historiographie der österreichischen Philosophie. S. 45.

¹⁸ Существует несколько объяснительных версий неприятия Канта в Австрии. Отто Нейрат и Вернер Зауер объясняют его политическими и институциональными факторами, указывая на то, что время распространения кантовских идей совпало с началом в Австрии католической и абсолютистской реставрации. Двор и церковь видели в кантовской философии и спекулятивном идеализме продукт Французской революции и принимали меры к ограничению их распространения в академической среде. Решением придворной комиссии по ревизии образования от 04.07.1798 было предложено исключить кантовскую философию из обязатель-

но курса философского образования. Она не была включена в учебные планы университетского философского обучения 1805 г. (см.: *Sauer W. Österreichische Philosophie zwischen Aufklärung und Restauration. Beiträge zur Geschichte des Frühkantianismus in der Donaumonarchie.* – Amsterdam: Rodopi, 1982. S. 291–299).

В книге «Идеализм и его враги в Австрии» (см.: *Bauer R. Der Idealismus und seine Gegner in Österreich*) Роджер Бауер связывает холодное отношение к Канту в Австрии с католической интеллектуальной традицией. По его мнению, в то время как в протестантских землях Германии совершался критический переворот, в южно-немецких и австрийских землях росло сознание несовместимости кантовской философии с метафизическими основами католической ортодоксии. Тем самым Бауер утверждает наличие общих, конфессионально обусловленных схем восприятия и критики кантовской философии в католических духовных центрах Германии и Австрии первой половины XIX в. О рецепции Канта в католическом пространстве см.: *Kant und der Katholizismus. Stationen einer wechselhaften Geschichte* / N. Fischer (Hrsg.). – Freiburg in Breisgau: Herder, 2005.

¹⁹ Тезис Халлера можно усилить. Еще до приглашения Brentano в 1874 г. в Венский университет, в нем в середине XIX в. сложился альянс гербартианства, нацеленного на интеграцию философии и математического естествознания, и венской медицинской школы. «Апостолом гербартианства» в Австрии был Франц Экснер (1802 – 1853). В 1831 – 1848 гг. он преподавал в качестве ординарного профессора в Пражском университете и именно благодаря его усилиям сначала Богемия, а затем Вена стали форпостами гербартианства (до прихода Brentano две философские кафедры Венского университета занимали ученики Экснера Франц Лотт (1849 – 1872) и Роберт Циммерман (1861 – 1896)) (см.: *Frankfurter S. Graf Leo Thun-Hohenstein, Franz Exner und Hermann Bonitz. Beiträge zur Geschichte der österreichischen Unterrichtsreform.* – Wien, 1893; а также *Durdik J. Über die Verbreitung der Herbart'schen Philosophie in Böhmen // Zeitschrift für exakte Philosophie.* 1883. Bd. XII. S. 317 – 326). Более того, Экснер был разработчиком австрийских образовательных реформ 1848 – 1849 гг. Можно сказать, что они проводились в духе гербартианской педагогической доктрины. В частности, школьное и философское образование были ориентированы на синтетическое освоение разных областей науки без решающего перевеса дисциплин гуманитарного цикла. Таким образом, несмотря на приглашение в Вену в 1849 г. Германа Боница, неогуманистическая образовательная идеология не оказала здесь такого же существенного влияния как в Пруссии (см.: *Engelbrecht H. Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Von 1848 bis zum Ende der Monarchie.* Bd. 4. – Wien: Österreichischer Bundesverlag Gesellschaft m. b. H., 1986. S. 43 – 44).

По словам В. Свободы, в середине XIX в. главной наукой в Вене была медицина. Здесь располагалась крупнейшая в Европе централизованная больница, а Венский университет был ориентирован на подготовку большого количества медиков. Лидеры венской медицинской школы К. Людвиг и Э. Брюкке (последний с 1849 по 1892 гг. – профессор Венского университета) негативно относились к немецкой натурфилософии и различным формам сопутствовавшего ей витализма. Реакцией на него в Вене стал экстремальный эмпиризм в духе традиции английской философии. Людвиг и Брюкке были ориентированы строго физикалистски, они стремились применить в своей области эмпирические методы исследования по образцу физики. Брюкке разделял некоторые ключевые положения философии Гербарта (в частности, учение о «психических силах») и стремился поставить медицинское образование на строгую естественнонаучную основу (см.:

Swoboda W. The Thought and Work of the Young Ernst Mach and the Antecedents to his Philosophy. – Michigan: Ann Arbor, Univ. of Pittsburg, 1974. P. 93 – 94).

В 50-е гг. в Венском университете налаживается кооперация между естествоиспытателями философского факультета и медиками. С 1855 г. на медицинском факультете преподавателями с философского факультета читается курс по химии, а с 1858 г. курс по физике. Показательно, что Эрнст Мах прошел габилитацию в 1861 г. и был допущен читать курс «физики для медиков» на медицинском факультете Венского университета при поддержке гербартианца Фр. Лотта (см.: Swoboda W. Physik, Physiologie und Psychophysik. Die Wurzeln von Ernst Mach Empirio-kritizismus // Ernst Mach – Werk und Wirkung / R. Haller & Fr. Stadler (Hrsg.). – Wien: Hölder-Pichler-Tempsky, 1988. S. 361 f.; а также Heller K.D. Ernst Mach. Wegbereiter der Modernen Physik. – Springer, 1964. S. 11). Ранний Мах испытал серьезное влияние психологии Гербарта и позднее признавал ее одним из важнейших источников своего учения (см.: Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. – М.: Территория будущего, 2005. С. 42, 47).

²⁰ Brentano F. Die Habilitationsthesen // Brentano F. Über die Zukunft der Philosophie. – Leipzig: Felix Meiner Verlag, 1929. S. 137.

²¹ См.: Громов П.А. Антон Марти. Философия языка брентановской школы // Логос. Журнал по философии и прагматике культуры. 2004. № 41. С. 113.

²² Показательной является полемика Brentano против дильтеевской классификации наук в докладе «Über die Zukunft der Philosophie» (1893) (Brentano F. Über die Zukunft der Philosophie. S. 1 – 48).

²³ В брентановской школе действительно прослеживается устойчивый интерес к современной английской философии. Показательно, что значительная часть контрагентов в «Психологии с эмпирической точки зрения» Brentano (1874) представлена английскими философами и психологами, а первые исследования Мейнонга были посвящены Юму. С другой стороны, работы Brentano и Мейнонга были известны в Великобритании, в частности, Дж.Э. Муру и Расселу (О связях между австрийской и английской философией на рубеже веков см.: Simons P.M. The Anglo-Austrian Analytic Axis // Von Bolzano zu Wittgenstein / J.C. Nyiri (Hrsg.). См. также брентановскую оценку позитивизма Конта в статье «Auguste Comte» (1869), где он заявляет, что «нет, пожалуй, иного философа новейшего времени, который заслуживал бы нашего внимания в той же высокой мере, как Конт... Конт был, это бесспорно, одним из выдающихся мыслителей, которыми может похвастаться наше столетие» (см.: Brentano F. Die vier Phasen der Philosophie und ihr augenblicklicher Stand. – Leipzig: Felix Meiner Verlag, 1926. S. 99 – 100).

²⁴ Brentano F. Die Habilitationsthesen. S. 137.

²⁵ Haller R. Franz Brentano, ein Philosoph des Empirismus // Brentano-Studien. 1988. Bd. 1. S. 22. В том же духе этот тезис оценивал поздний ученик Brentano, издатель и комментатор его первого собрания сочинений Оскар Краус, по мнению которого этот тезис означает «протест философии, направленный против спекулятивных систем посткантовского времени» (см.: Brentano F. Über die Zukunft der Philosophie. S. 167).

²⁶ Haller R. Ludwig Wittgenstein und die österreichische Philosophie // Haller R. Studien zur österreichischen Philosophie. S. 115 – 119; см. также: Brentano F. Die Abkehr vom Nichtrealen. – Bern; München: Francke Verlag 1966; Карпан П. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.

²⁷ См.: Джонстон У.М. Австрийский ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австрии-Венгрии 1848 – 1938 гг. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 295 – 321.

²⁸ См.: Громов Р.А. Антон Марти. Философия языка брентановской школы.

²⁹ Mulligan K. Exactness, Description and Variation: How Austrian Analytic Philosophy Was Done // Von Bolzano zu Wittgenstein. Zur Tradition der österreichischen Philosophie / J.C. Nyiri (Hrsg.). – Wien: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1986. P. 86 – 97; а также: Маллиган К. Точность и болтовня. Глоссы к парадигматическим противопоставлениям в австрийской философии // Логос. Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 1 – 3.

³⁰ Сам Халлер ретроспективно описывал это так: «Наконец, также известно, что логический эмпиризм, как назвали развитые в Венском кружке теории, не смог найти почти никакой опоры в Германии и, несмотря на его мировое влияние, воспринимался как инородное тело в немецкой философии. Таким образом, справедливо возникает вопрос, каким образом сформировался Венский кружок и какое развитие вело к нему. Эти вопросы также были тем, что привело меня к тезису о самобытности философского развития в Австрии, согласно которому возникновение неопозитивизма в Австрии отнюдь не кажется более загадкой» (Haller R. Ludwig Wittgenstein und die österreichische Philosophie. S. 107 – 108, 100).

³¹ Концепция Халлера изначально ориентировалась на историческое самосознание Венского кружка и формировалась под прямым влиянием его манифеста, а также историко-философских работ Отто Нейрата. Сам Халлер писал: «Когда в середине 60-х гг. я заново поставил вопрос об австрийской философии, я мог непосредственно последовать за манифестом Венского кружка 1929 г., первая редакция которого принадлежит, вероятно, Нейрату... Без сомнения, Нейрату, изобретателю „Венского кружка“, физикализма и энциклопедии, принадлежит заслуга создания эскиза основных линий развития австрийской философии» (Haller R. Zur Historiographie der österreichischen Philosophie. S. 41).

Аннотация

В статье рассматриваются методологические особенности историко-философских исследований, посвященных национальным философским традициям. Они оцениваются как особый жанр истории философии, функция которого заключается в формировании новых историко-философских канонов. Этот тезис обосновывается на примере понятия «австрийская философия», введенного в 70-е гг. прошлого века Р. Халлером.

Ключевые слова: историография философии, австрийская философия, Р. Халлер, Брентановская школа, Венский кружок.

Summary

The article concerns the methodological features of the historico-philosophical researches devoted to national philosophical traditions. These researches are considered a special genre of the history of philosophy, its main function is to form new historico-philosophical canons. This hypothesis is successfully proved by analysis of the notion «Austrian philosophy» that was presented in the 1970^s by R. Haller.

Keywords: historiography of philosophy, Austrian philosophy, R. Haller, Brentano's school, Vienna.